

Щеголев А.В.

Императорский культ и *lex maiestatis* (по Дигестам Юстиниана)

[Stable URL: <http://elar.uni Yar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2074>]

[Публикация работы:]

Щеголев А.В. 1997: Императорский культ и *lex maiestatis* (по Дигестам Юстиниана)
// *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 1 (2), 60-64.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

ИМПЕРАТОРСКИЙ КУЛЬТ
И LEX MAIESTATIS
(ПО ДИГЕСТАМ ЮСТИНИАНА)

Цель статьи – на основе анализа источников, прежде всего юридических, понять сущность, характер и значение закона об оскорблении величия в римском публичном праве в период с I в. до н.э. по I в. н.э.

К сожалению, в историографии, как отечественной, так и зарубежной, судебные процессы об оскорблении величия обычно рассматривают только как чисто политические, связанные с борьбой между императорами и сенатской оппозицией, а сам *lex maiestatis* – как инструмент этой борьбы. Объясняется это тем, что величие Римского государства и народа перешло на императора – полномочного представителя государства и народа¹. Однако при более внимательном изучении источников, на мой взгляд, дело обстоит несколько сложнее. Основным источником по данной теме – 4-й титул 48-й книги Дигест, на анализе которого я и сконцентрирую свое внимание.

Наиболее важным фрагментом, излагающим суть и основное содержание закона Юлия 46 г. до н.э.², является фрагмент Ульпиана, в связи с чем приведем его полностью: «Ближе всего к святотатству подходит преступление против величия. Преступлением же против величия является то, которое совершается против римского народа или его безопасности. Обвинению в нем подвергается тот, из-за деятельности или злого умысла которого будет устроен заговор, в силу которого заложники будут убиты без приказа принцепса, в силу которого вооруженные люди с оружием или камнями окажутся в Городе или соединятся против государства, или займут общественные места или храмы, или в силу которого будут происходить собрания или сходки, или люди будут призваны к беспорядкам; тому же обвинению подвергается тот, благодаря деятельности и дурному совету которого будет убит какой-нибудь магистрат римского народа или кто-нибудь, имеющий высшую военную или гражданскую власть; или тот, кто поднимет оружие против государства; или тот, кто пошлет врагам римского народа вестника или письмо или даст знак с дурным умыслом, вследствие которого враги римского народа найдут поддержку советом против государства; или тот, кто будет беспокоить или возмущать солдат, так что произойдет беспорядок и бунт против государства» (D. 48. 4. 1)³; «или тот, кто не уйдет из провинции, когда явится его преемник; или тот, кто оставит войско или частным человеком убежит к врагам; кто сознательно внесет или (публично) огласит нечто ложное в государственных документах, ибо и это приводится в первой главе закона об оскорблении величия» (D. 48. 4. 2)⁴.

Итак, в приведенном отрывке Ульпиан (юрист II–III вв. н.э.) дает характеристику и содержание закона Юлия. Очевидно, что Ульпиан имеет в своем распоряжении сам текст закона, так как он непосредственно ссылается на его 1-ю главу (*capite primo lege maiestatis*). В этом отрывке речь идет об оскорблении величия римского народа (*populus Romanus*), однако упоминается и принцепс (*quo obsides iniussu principis interciderent*), хотя не вполне ясно, о каком принцепсе идет речь. Очевидно, что здесь говорится о законе республиканского периода. Как известно, в республиканский период принцепс означал первоприсутствующего в сенате, хотя можно предположить, что Ульпиан имеет в виду именно императора. Далее, важно отметить, что Ульпиан относит нарушение этого закона к преступлениям, ближе всего стоящим к святотатству (*proximum sacrilegio crimen*). Это позволяет нам предположить, что данный закон относился к сакральному праву в соответствии с делением публичного права того же Ульпиана⁵.

Следующий фрагмент (D. 48. 4. 3), принадлежащий Марциану, юристу начала III в. н.э., любопытен для нас тем, что здесь присутствует ссылка не только на закон Юлия, но и на близкую ему норму Законов

¹ Мерчинг Г. Император Тиберий // Варшав. унив. изв. 1881. № 4. С. 163; Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 211; Межеричкий Я.Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. С. 396; Hammond M. The Augustan Principate. N.Y., 1968. P. 174; Bauman R.A. Impietas in principem. München, 1979. P. 28–31.

² Гримм Э.Д. Исследование по истории развития римской императорской власти. СПб., 1900. Т. 1. С. 222.

³ D. 48. 4. 1: Proximum sacrilegio crimen est, quod maiestatis dicitur. Maiestatis autem crimen illud est, quod adversus populum romanum vel adversus securitatem eius committitur. Quo tenetur is, cuius opera dolo malo consilium inicum erit, quo obsides iniussu principis interciderent: quo armati homines cum telis lapidibusve in urbe sint convenienter adversus rem publicam, locave occupentur vel templa, quove coetus conventusve fiat hominesve ad seditionem convocentur: cuiusve opera consilio malo consilium inicum erit, quo quis magistratus populi romani quive imperium potestatemve habet occidatur: quove quis contra rem publicam arma ferat: quive hostibus populi romani nuntium litterasve miserit signumve dederit feceritve dolo malo, quo hostes populi romani consilio iuventur adversus rem publicam: quive milites sollicitaverit concitaveritve, quo seditio tumultusve adversus rem publicam fiat.

⁴ D. 48. 4. 2: Quive de provincia, cum ei successum esset, non discessit: aut qui exercitum deseruit vel privatus ad hostes perfugit: quive sciens falsum conscripsit vel recitaverit in tabulis publicis: nam et hoc capite primo lege maiestatis enumeratur.

⁵ Ulp. Inst. D. 1. 1. 1. 2: Publicum ius in sacris, in sacerdotibus, in magistratibus consistit.

XII Таблиц, что само по себе свидетельствует о древнем происхождении данной нормы, связанной с оскорблением величия римского народа⁶.

Далее Сцевола (II в. н.э.) излагает норму закона об оскорблении величия, связанную с клятвопреступлением⁷. По свидетельству Цицерона, клятвопреступления относились к сакральному праву, что подтверждает предыдущее предположение о сакральном характере нормы, связанной с оскорблением величия⁸. В этом фрагменте Сцевола также говорит о величии римского народа, и лишь в последней фразе упоминает норму о статуе императора⁹. А вот уже в следующем фрагменте, принадлежащем Марциану, речь идет исключительно об оскорблении величия императора, так как этот юрист рассматривает различные случаи осквернения статуй и изображений Цезаря. Однако ссылается Марциан не только на закон Юлия, но и на более поздние предписания императоров Севера и Антонина (II–III вв.)¹⁰. Следовательно, собственно закон Юлия об оскорблении величия в последующий период подвергался дополнениям со стороны правящих императоров.

Более раннюю датировку нормы, связанной со статуями императоров, мы находим у Ветулея Сатурнина, который добавляет к словам Марциана следующее: «Тот, кто уже освященные статуи или изображения императоров расплавил или совершил что-нибудь другое подобное этому, привлекается к ответственности на основании закона Юлия об оскорблении величия»¹¹. Любопытно, что Сатурнин норму об освященных статуях и изображениях императоров относит именно к закону Юлия 46 г. до н.э., т. е. ко времени, когда сам институт императоров как носителей высшей государственной власти еще не сформировался. Конечно, императоры как полководцы, обладавшие высшей военной властью (*imperium*), существовали и в более раннюю эпоху, поэтому можно предположить, что уже в законе Юлия была зафиксирована норма, связанная с оскорблением освященных статуй заслуженных римских военачальников. Однако в литературной традиции свидетельства такого рода относятся лишь к эпохе Принципата, поэтому датировка данной нормы представляется сомнительной. Но отрывок Сатурнина важен для нас и в другом отношении. *Lex maiestatis* касался лишь случаев оскорбления освященных (*consecratas*) статуй и изображений, что еще раз подтверждает сакральный характер закона.

На это наталкивает следующий отрывок, принадлежащий юристу III в. н.э. Модестину. Ибо в соответствии с ним в расследованиях по этому закону принимались во внимание даже свидетельства рабов в отношении хозяев и вольноотпущенников в отношении патронов¹². В отрывке же, принадлежащем Папиниану (II–III вв. н.э.), к числу свидетелей добавляются даже женщины. Как известно, в гражданском праве свидетельства этих категорий населения не учитывались, и лишь в соответствии с сакральным правом, где все были равны перед богом, они допускались. В отрывке Папиниана интересно еще и то, что в качестве примера привлечения женщины как свидетеля приводится случай, относящийся к заговору Катилины¹³. Но это событие произошло еще до принятия закона Юлия, так что здесь речь идет как минимум о применении более раннего закона, возможно *lex Cornelia* (88 г. до н.э.).

Итак, подведем некоторые итоги:

⁶ D. 48. 4. 3: *Lex duodecim tabularum iubet eum, qui hostem concitaverit quive civem hosti tradiderit, capite puniri. Lex autem Iulia maiestatis praecipit eum, qui maiestatem publicam laeserit, teneri: qualis est ille, qui in bellis cesserit aut arcem tenuerit aut castra concesserit. Eadem lege tenetur et qui iniussu principis bellum gesserit dilectumve habuerit exercitum comparaverit: quive, cum ei in provincia successum esset, exercitum successori non tradidit: quive imperium exercitumve populi romani deseruerit: quive privatus potestate magistrature quid sciens dolo malo gesserit: quive quid eorum, quae supra scripta sunt, facere curaverit. (Закон XII Таблиц повелевает того, кто будет подстрекать неприятеля или выдаст римского гражданина врагу, подвергнуть смертной казни. С другой стороны, закон Юлия об оскорблении величия предписывает привлекать к ответственности за оскорбление величия римского народа того, кто отступит во время сражения или ослабит укрепление, или оставит лагерь. По этому же закону преследуется и тот, кто без приказа принцепса начнет войну или произведет набор рекрутов и соберет войско; или тот, кто не передаст войско преемнику, когда тот прибудет в провинцию; или тот, кто оставит командование или покинет войско римского народа; или тот, кто частным человеком сознательно и со злым умыслом будет выдавать себя за магистрата; или тот, кто что-либо из приведенного выше попытается сделать.)*

⁷ D. 48. 4. 4: *Cuiusque dolo malo iureiurando quis adactus est, quo adversus rem publicam faciat. (Или благодаря злomu умыслу которого кто-нибудь будет приведен к присяге, в результате чего совершится что либо против государства.)*

⁸ *Cic. Leg.: Percurse poena divina exitum, humana dedecus.*

⁹ D. 48. 4. 4. 1: *Hoc crimine liberatus est a senatu, qui statusas imperatoris reprobatus conflagavit. (От обвинения в этом преступлении сенат освобождает того, кто расплавил бракованные статуи императора.)*

¹⁰ D. 48. 4. 5: *Non contrahit crimen maiestatis, qui statusas caesaris vetustate corruptas reficit. Nec qui lapide iactato incerto fortuito statuam attigerit, crimen maiestatis commisit: et ita Severus et Antoninus Iulio Cassiano rescripserunt. (Не совершает преступления против величия тот, кто переделает обветшавшие статуи Цезарей. Не обвиняется в преступлении против величия и тот, кто, бросив камень, нечаянно попадет в статую; так и Север и Антонин писали в ответ Юлию Кассиану.)*

¹¹ D. 48. 4. 6: *Qui statusas aut imagines imperatoris iam consecratas conflagaverint aliudve quid simile admiserint, lege Iulia maiestatis tenentur.*

¹² D. 48. 4. 7: *Servi quoque deferentes audiuntur et quidem dominos suos: et liberti patronos. (Допрашиваются также и рабы, и при этом свидетельствующие против хозяев; и вольноотпущенники – против патронов.)*

¹³ D. 48. 4. 8: *In quaestionibus laesae maiestatis etiam mulieres audiuntur. Coniurationem denique Sergii Catilinae Iulia mulier detexit et Marcum Tullium consulem iudicium eius instruxit. (В расследованиях по делам об оскорблении величия также допрашиваются женщины. И даже заговор Сергия Катилины открыла женщина, Юлия, и донесла о нем консулу Марку Туллию.)*

1. Данные Дигест позволяют утверждать, что по крайней мере отдельные нормы рассматриваемого закона носили сакральный характер. Это дает основание предполагать, что и весь закон относился к сакральному праву.

2. В отрывках Дигест, посвященных закону Юлия, приводятся различные по времени нормы (от Законов XII Таблиц (V в. до н.э) до предписаний Севера и Антонина Пия (II–III вв. н.э)).

3. В соответствии с данными Дигест можно выделить следующие виды преступлений, которые преследовались по закону об оскорблении величия: заговор против государства; убийство римского магистрата; вооруженное выступление против государства; измена государству; подстрекательство солдат к мятежу; невозвращение из провинции при прибытии преемника; внесение или прочтение заведомо ложной информации в *tabulae publicae*¹⁴; проведение набора рекрутов или ведение войны без приказа принцепса, по собственной инициативе; помощь врагам римского государства; клятвopеcтyпленне; оскорвление освященных статуй и изображений императоров или совершение чего-либо подобного.

Не всегда ясно, какая норма и в каком объеме может быть отнесена к конкретному историческому периоду. Уточнить датировки отдельных норм и внести некоторые новые данные могут помочь свидетельства литературной традиции. Здесь, правда, необходимо отметить, что свидетельства эти весьма отрывочны, да и авторы источников не ставили перед собой задачу дать юридически точные формулировки¹⁵. Кроме того, античные авторы часто вообще не говорят, за что тот или иной человек привлекался к ответственности за оскорбление величия (*Tac. Ann. XV. 38; VI. 18*). В соответствии с данными традиции можно условно выделить три группы деяний, которые попадали под действие закона. Во-первых, это подготовка и участие в заговоре, направленном против правящего принцепса и государства. Во-вторых, оскорбительные письма, стихи и высказывания в адрес правящего принцепса. И в-третьих, оскорбление словом или делом памяти обожествленного или правящего императора. Последние две группы деяний в рассматриваемом тексте Дигест специально не оговариваются, их можно отнести к общей фразе о совершении «чего-либо подобного». Рассмотрим эти три группы подробнее.

Что касается осуждения по закону о величии участников заговоров против государства и правящих принцепсов (например, участников заговора Сеяна), то и Тацит, и Светоний пишут об этом как о чем-то вполне естественном (*Tac. Ann. III. 38; VI. 9; Suet. Tib. 8*). Более того, Тацит признает, что раньше, т. е. в республиканский период, закон об оскорблении величия был направлен против тех, кто наносил ущерб величию римского народа предательством войска, возмущением плебса и дурным управлением государством (*Tac. Ann. I. 72*)¹⁶. Очевидно, что это утверждение Тацита вполне согласуется с приведенными выше данными Дигест и по самой своей сути может быть отнесено и к закону Корнелия, и к закону Юлия. Сложнее обстоит дело с оскорбительными высказываниями в адрес принцепса. Если, как пишет Тацит, в позднереспубликанский период слова оставались безнаказанными¹⁷, то с установлением Принципата положение изменилось. По свидетельству того же Тацита, впервые при Августе на основании закона о величии за написание писем, порочащих знатных мужчин и женщин, был привлечен к ответственности Кассий Север (*Ibid.*), а Светоний говорит о том, что Август постановил привлекать к ответственности тех, кто под чужим именем распространял порочащие кого-либо стихи или письма (*Suet. Aug. 55*). В то же время известно, что Ульпиан в Дигестах, ссылаясь на 1-ю главу закона об оскорблении величия, пишет, что к ответственности по нему привлекались те, кто вносил или читал что-либо ложное в *tabulae publicae*. Поэтому можно предположить, что Август в данном случае, принимая новое постановление, расширял, конкретизировал действие старой республиканской нормы *lex maiestatis*. К тем же, кто дурно отзывался о нем самом, Август был весьма снисходителен (*Suet. Aug. 51; 54; Sen. De benefic. III. 27*).

При Тиберии положение несколько изменилось. Интересный факт приводит Тацит. Кремуций Корд, обвиненный в оскорблении величия, причем, как пишет Тацит, впервые¹⁸, в свое оправдание заявил, что он не хотел оскорблять принцепса или его мать, а именно это, по его утверждению, и имеет в виду закон об оскорблении величия (*Tac. Ann. IV. 34*). И у Тацита, и у Светония можно найти целый ряд примеров, свидетельствующих о том, что начиная с правления Тиберия сенатом на основании *lex maiestatis* возбуждались дела против тех, кто устно или письменно оскорблял принцепса и его мать (*Tac. Ann. II. 50; IV. 31; Suet. Tib. 28; Nero. 39*). Следовательно, можно предположить, что уже при Тиберии первоначальный *lex maiestatis* был дополнен нормой, предусматривавшей наказание за написание порочащих принцепса и его

¹⁴ Под *tabulae publicae* понимали занесенные на таблички постановления, государственные финансовые списки и вообще любые юридически значимые акты римского сената или магистратов. Эти таблички выставлялись на Форуме для всеобщего обозрения, либо еще и публично оглашались.

¹⁵ *Гримм Э.Д. Указ. соч. С. 111.*

¹⁶ *Tac. Ann. I. 72: si quis prodicione exercitum aut plebem seditionibus, denique male gesta re publica maiestatem populi Romani minuisset (если кто нанес ущерб войску предательством или простому народу смутами, наконец, величию римского народа плохим управлением государством).*

¹⁷ *Ibid.: apud veteres... facta arguebantur, dicta impune erant.*

¹⁸ Видимо, Тацит имел в виду тот факт, что в правление Тиберия дело Корда было первым судебным разбирательством по закону об оскорблении величия.

мать писем и стихов, а также за высказывания, направленные против них. Конечно, следует учитывать, что еще в Законах XII Таблиц (8. 1) существовала норма, карающая за произнесение *carmen malum* (проклятий или стихов, порочащих честь римского гражданина). Однако о специальном законе, карающем словесное оскорбление принцепса и его матери, ничего не известно. Что же касается того факта, что воля принцепсов играла в этих процессах важную роль, то дело здесь, думается, не в каких-то особых полномочиях императора, а в его власти верховного понтифика и плебейского трибуна, которая давала ему возможность отменять вынесенные сенатом смертные приговоры (*Tac. Ann. XIV. 48*)¹⁹.

Наконец, рассмотрим, что подводилось под оскорбление обожествленного императора. Вот что пишет Светоний: «После того, как обвиняемый был осужден (речь шла о снятии головы со статуи Августа и замене ее другой. – А.Щ.), понемногу такого рода коварные обвинения дошли до того, что уголовным преступлением стали считать, если у изображения Августа били раба, передевались, приносили монету или кольцо с изображением его в отхожее место или лупанар, так или иначе оскорбляли суждением что-либо им сказанное или сделанное. Наконец, погиб даже тот, кто позволил в своем городе оказать самому себе почести в тот же день, в который когда-то они были оказаны Августу» (*Suet. Tib. 58*)²⁰. Что касается Тацита, он приводит следующие деяния: переплавка статуи принцепса в серебряную утварь (*Ibid. III. 70*), установка у себя дома собственной статуи выше, чем статуи Цезарей (*Tac. Ann. I. 74*), принятие в число бжстителей культа Августа человека, известного своим телесным непотребством, а также продажа вместе с садом статуи Августа (*Ibid. I. 73*). В Дигестах, как было показано, речь шла о переплавке, продаже, бросании камня в статую, а также о совершении чего-либо подобного. Судя по вышеприведенным данным традиции, можно предположить, что под «совершением чего-либо подобного» подразумевалось любое оскорбление обожествленного императора, его статуи или изображения. На основе данных традиции можно сделать вывод, что уже при Тиберии за оскорбление обожествленных императоров стали привлекать к ответственности по закону об оскорблении величия и, следовательно, именно в это время *lex maiestatis* дополняется соответствующей нормой. Причем, осквернение статуй и изображений правящих, т. е. необожествленных принцепсов, как было показано выше, тоже, по-видимому, попадало под действие этой нормы. В связи с этим интересно привести одно свидетельство Тацита, который, говоря о привлечении к суду проконсула Азии Гая Силана, сообщает, что тот был обвинен в осквернении божественного достоинства Августа и оскорблении величия Тиберия (*Ibid. III. 66*). Учитывая вышеизложенное, а также тот факт, что о величии императора ни у Тацита, ни у Светония, ни в Дигестах больше не говорится, можно сделать вывод, что Тацит здесь не противопоставляет одно преступление другому, а, напротив, ставит их в один ряд, подчеркивая лишь то, что осквернить божественное достоинство можно было лишь у обожествленного императора. Следует отметить, что подобные дела возбуждались чаще всего сенатом, а подобные оскорбления рассматривались как оскорбления, нанесенные государству (*Ibid. III. 70*). Несмотря на заявление Тиберия, что оскорбление богов – забота самих богов²¹, юридических последствий его заявление не имело (*Ibid. I. 73*), и сенат, как известно, продолжал выносить по подобным делам суровые приговоры.

Резюмируя, можно с определенностью сказать, что закон об оскорблении величия действительно носил сакральный характер. Отнести его следует к категории *leges sanctae*, имеющих как священный, так и запретный характер и предусматривающих определенные санкции за их нарушение²².

Очевидно и то, что при Тиберии этот закон был дополнен персонифицированной нормой, предусматривающей ответственность за оскорбление как правящего принцепса и его матери, так и его обожествленного предшественника. Под оскорблением здесь понималось не только написание и произнесение речей, направленных против принцепса, но и осквернение его статуй и изображений или что-либо подобное. Причем, как было показано выше, под «подобным» (*simile aliud*) понимали, по сути дела, любое деяние, оскорблявшее правящего императора или память его божественного предшественника. Следует отметить, что подобные деяния рассматривали как оскорбление величия римского народа, а не императора. Однако дело здесь, думается, не в простом перенесении величия римского народа на императора. По-видимому, одной из причин дополнения *lex maiestatis* было возникновение и распространение императорского культа. Кстати, официально начало новому культу было положено именно при Тиберии²³. Это был единственный культ, имеющий общегосударственное значение и объединявший в религиозном отноше-

¹⁹ Кофанов Л.Л. Сакральное право: от человеческих жертвоприношений к правовым санкциям // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 19–21.

²⁰ *Suet. Tib. 58: Damnato reo, paulatim hoc genus calumniae processit, ut haec quoque capitalia essent: circa Augusti simulacrum servum cecidisse; vestimenta mutasse; nummo vel anulo effigiem impressam latrinae aut lupanari intulisse; dictum ullum factumve eius existimatione aliqua laessisse. Perit denique is, qui honores in colonia sua eodem die decerni sibi passus est, quo decreti Augusto olim erant.*

²¹ *Tac. Ann. I. 73: deorum iniurias dis curae.*

²² Бартошек М. Римское право: (понятия, термины, определения). М., 1989. С. 281, 424. Подробнее о *leges sanctae* и их соотношении с *leges sacratae* см.: Кофанов Л.Л. Обязательственное право в архаическом Риме (VI–IV вв. до н.э.). М., 1994. С. 73–76.

²³ В исследованиях не конкретизируется время введения императорского культа, но данные источников позволяют отнести это событие ко времени правления Тиберия (*Tac. Ann. I. 10; Vell. Pat. II. CXXXVI*). См. также: *Römischer Kaiserkult / Hrsg. von D. Wlasok. Darmstadt, 1978. S. 112.*

нии все города и провинции Римской империи. Да только он и мог иметь такое значение, учитывая тот факт, что в каждом городе Империи были свои святилища и свои боги-покровители, но соседних городов они не касались²⁴. Кроме того, обожествление Августа было следствием народной признательности и подготовленности населения Империи к принятию нового культа²⁵. Даже если в глазах некоторой части населения обожествленный император и не являлся непосредственно богом, то, по крайней мере, занимал какое-то промежуточное положение между богом и человеком²⁶. На живого императора, скорее всего, также смотрели как на обладавшего определенной божественной силой, способной обеспечивать Империю и ее гражданам спокойствие, безопасность, могущество и благоденствие²⁷. Поэтому, очевидно, и процессы, связанные с оскорблением императоров, преломлялись в сознании римлян не только в государственно-правовом, но и в религиозном аспектах. В самом законе о величии очень тесно и сложно переплетались *fas* и *ius*, божественное и человеческое, хотя процесс их отделения друг от друга начался еще при Ромуле²⁸. Кстати, и Ульпиан в Дигестах не говорит о том, что преступление против величия рассматривалось как святотатство, но лишь как ближе всего подходящее к святотатству (*proximum sacrilegium crimen est*). Параллельно шел и процесс сакрализации императорской власти, ибо обожествление умерших императоров позволяло современникам рассматривать императорскую власть как происходящую из божественного начала, что в дальнейшем имело первостепенное значение для развития власти императоров²⁹. Все это дает основание предполагать, что и процессы об оскорблении величия носили не только политический, но и сакральный характер.

В заключение следует сказать, что данная статья лишь первая попытка начать анализ сущности, характера и значения *lex maiestatis*. За рамками статьи остались многие проблемы, например, проблема датировки, да и рассмотренные вопросы также требуют более внимательного и глубокого изучения, что и станет предметом дальнейших исследований.

ŠČOGOLEV A.V.

IL CULTO DI IMPERATORE
E LEX DE MAIESTATE (SECONDO
I DIGESTI DI GIUSTINIANO)

(RIASSUNTO)

Lo scopo del presente articolo è di capire, in base all'analisi delle fonti, innanzitutto di quelle giuridiche, l'essenza, il carattere e il significato della legge sull'insulto della maestà nel diritto amministrativo romano durante il periodo dal I s. av. Cr. al I s. d. Cr.

Nella storiografia, sia nazionale che estera, i processi giuridici sull'insulto della maestà di solito vengono considerati esclusivamente come politici, legati alla lotta tra imperatori e opposizione senatoriale, mentre *lex maiestatis* si intende come uno strumento di questa lotta. Ciò viene spiegato con il fatto che la maestà dello Stato e del popolo Romano passò all'imperatore – il rappresentante plenipotenziario del popolo e dello Stato. Fatto però uno studio più attento delle fonti, l'affare risulta alquanto più complesso.

L'analisi dei dati dei Digesti (Dig. 48. 4) permette di affermare che alcune norme di *lex maiestatis* avevano il

carattere sacrale. Quindi si può supporre che tutta la legge apparteneva al diritto sacrale. Le testimonianze della tradizione letteraria, prima di tutto le opere di Tacito e di Svetonio possono aiutare a precisare la datazione di alcune norme e ad inserire qualche dato nuovo. L'analisi di queste testimonianze e la comparazione di esse con i dati dei Digesti permette di trarre la conclusione che sotto Tiberio la legge sull'insulto della maestà fu completata dalla norma che prevedeva la responsabilità per l'insulto sia del principe al potere e di sua madre, sia del suo predecessore divinizzato. Evidentemente, una delle cause del completamento di *lex maiestatis* fu l'aparizione e la diffusione del culto d'imperatore. Perciò anche i processi legati all'insulto dell'imperatore si riverberavano nella coscienza dei romani sia nell'aspetto statale-giuridico, sia in quello religioso ed assumevano il carattere non solo politico, ma anche sacrale.

²⁴ Буассье Г. Римская религия от Августа до Антонинов. М., 1878. С. 127; Свенцицкая И.С. Полис и империя: Эволюция императорского культа и роль «возрастных» союзов в городах малоазийских провинций I–II вв. // ВДИ. 1981. № 4. С. 41.

²⁵ Буассье Г. Указ. соч. С. 108; Hammond M. Op. cit. P. 108.

²⁶ Штаерман Е.М. Указ. соч. С. 178–179.

²⁷ Буассье Г. Указ. соч. С. 138; Hammond M. Op. cit. P. 108.

²⁸ Orestano R. I fatti di normazione nell'esperienza Romana archaica. Torino, 1967. P. 38; Кофанов Л.Л. Обязательственное право... С. 76; Штаерман Е.М. Указ. соч. С. 72.

²⁹ Мерчинг Г. Указ. соч. С. 162.

